

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Л.Д. Широкопад

В.М. ШТЕЙН О РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В РОССИИ В 1917 г.

Свержение монархии с энтузиазмом было встречено торгово-промышленными кругами в России. Совет Съездов представителей промышленности и торговли, собравшийся 2 марта 1917 г., как отмечалось в приветственной телеграмме Товарища Председателя Совета Н. Изнара Председателю Государственной Думы, «преклоняется перед подвигом, явленным стране Государственной Думой» и «отдает себя в полное распоряжение Временного Комитета членов Государственной Думы».

Важнейшими задачами, на решении которых должны быть сосредоточены усилия всего общества в новых условиях, журнал «Промышленность и торговля» считал доведение войны до конца и «установление в стране прочного правового порядка, твердой власти, действующей на основе строгой законности». Новый строй мыслился как капиталистический. «Всякие социалистические эксперименты могут лишь погубить столь славно начатое дело обновления Великой России. *Natura non facit saltum* — чем дальше зарвемся мы в революционном порыве, тем тяжелее и болезненнее будет возвращение к тому исходному пункту, с которого может начаться наше правильное поступательное движение вперед... Только небольшая кучка утопистов-мечтателей может ожидать водворения в России коммунистических начал». Задача состоит не в том, чтобы совершить прыжок в неизвестное, который не по силам даже самым развитым в экономическом и культурном отношении странам, а в том, чтобы собрать разрозненные экономические силы в коллективные единства. «Почувствуйте пока организационному искусству у наших западных капиталистических соседей и остережемся вступать на путь, неиспробованный еще ни одной страной».

Леонид Дмитриевич ШИРОКОПАД — заслуженный деятель науки РФ, д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории СПбГУ. В 1961 г. окончил экономический факультет ЛГУ. Кандидатскую диссертацию защитил в 1965, докторскую — в 1981 г. Сфера научных интересов — история экономической мысли, методологические проблемы экономической теории. Автор более 100 научных работ, в том числе трех монографий.

© Л.Д. Широкопад, 2005

мира». Рупор деловых кругов России обещал всяческую поддержку правительственным начинаниям в области мирового социального законодательства, но опять же лишь «в рамках капиталистического строя».²

Одна из программных статей журнала «Промышленность и торговля» после Февральской революции была написана В. Штейном. В ней речь шла о том, что в условиях царизма в России не было условий для экономического развития, соответствовавшего ее природным возможностям. Это развитие хотя и было довольно быстрым, но в целом экономический рост был неустойчивым и скачкообразным, продвижение вперед всегда доставалось неимоверно дорого. Чрезмерные военные расходы отражались на состоянии валюты. «Капризные изменения курса рубля отпугивали от русской промышленности иностранные капиталы, для которых Россия оставалась "экзотической страной", наподобие южноамериканских государств. Колебания правительственной политики в экономической области (например, в сфере железнодорожного строительства или таможенного законодательства. — Л.Ш.) вносили в народное хозяйство элемент дезорганизации и придавали ему какой-то спекулятивно-авантюристский характер... Старая власть жила изо дня в день, не думая о будущем. Сама идея экономического плана была для нее жупелом».

Анализируя причины экономической отсталости России в условиях царизма, В. Штейн прежде всего указывает на отсутствие в стране элементарного просвещения, беспощадное подавление стремлений к организации и самостоятельности, правовые ограничения. Первопричиной колоссального расцвета промышленности в США и успехов германских товаров на иностранных рынках были успехи в системе народного образования в этих странах. «Экономическое воспитание нации, наряду с самым широким распространением образования вообще, — заключает В. Штейн, — является поэтому одной из насущнейших задач новой власти».⁴ Решение этой фундаментальной задачи требует усилий нескольких поколений. Если же говорить об очередных, самых неотложных задачах экономического развития, то это нахождение средств для железнодорожного строительства и создание мощного торгового флота; сокращение количества казенных предприятий и повышение эффективности их функционирования; стабилизация валюты (прежде всего посредством использования механизма государственных займов); «величайшая экономия в расходовании продовольственных продуктов, являющихся главным предметом нашего вывоза» и преодоление на этой основе дефицита торгового баланса; коренная налоговая реформа, главной основой которой должно быть «усиленное обложение имущества и вообще развитие прямых налогов с прогрессивным повышением ставок по мере роста доходов и капиталов»; погашение тридцатимиллиардного долга, по которому платежи процентов будут составлять до 1,5 млрд руб. в год; разумное таможенное покровительство в интересах создания независимой и мощной промышленности.⁵

В условиях войн и революций эту экономическую программу невозможно было реализовать. Но, как нам представляется, многие ее элементы не потеряли своей актуальности и на нынешнем этапе экономических преобразований.

В апреле 1917 г. В. Штейн выступает с оценкой программы министра торговли и промышленности первого Временного правительства А.И. Коновалова.

В целом одобряя эту программу как проявление «решительного приступа» новой власти к экономической реформе и характеризуя ее как преодоление огромного разрыва между либеральными заявлениями царских министров торговли и промышленности и отсутствием в их деятельности конкретных мер, направленных на раскрепощение промышленности и торговли, он критически оценивает следующие ее пункты.

Прежде всего он обращает внимание на то, что новое Министерство труда, к созданию которого призвал А.И. Коновалов, должно, по его мнению, возглавлять лицо, предложенное социалистическими группами и партиями. Очевидно, что это предложение было вынужденной уступкой данным партиям, общественная поддержка которых все более возрастала по мере развертывания и обострения общенационального кризиса. В. Штейн считает необоснованной и опасной такого рода уступку. «...Мы склонны были бы настаивать, — пишет он, — на особенной осмотрительности при выборе "лица", так как поведение представителей рабочих в Отделе труда, который предполагается теперь превратить в Министерство, не обнаруживает большой готовности идти по пути мировых (из контекста видно, что данный термин используется в смысле "мирные". — *Л.Ш.*) социальных реформ. Как известно, рабочие вырабатывают свои "боевые" законопроекты и отказываются обсуждать проникнутые мировым (мирным. — *Л.Ш.*) началом проекты, составленные Отделом труда. Едва ли способствовало бы общественному успокоению предоставление портфеля Министра труда лицу, разделяющему боевую программу рабочего класса».

В. Штейн активно поддерживает усилия министра, направленные на организацию самоуправления промышленности и торговли, прежде всего на образование торгово-промышленных палат как органов самоуправления торгово-промышленного класса на местах. В частности, он подчеркивает политический аспект этой проблемы. «При выборах в Учредительное собрание органы торгово-промышленного самоуправления могут явиться основной ячейкой, вокруг которой сгруппируются сторонники существующего экономического строя в противовес неумеренным социальным реформаторам. Поэтому к организации палат желательно приступить в самом незамедлительном будущем».

В. Штейн поддержал и намерение министра полностью реорганизовать торговое законодательство (в частности, ввести явочную систему учреждения акционерных компаний), приведя его в соответствие с новыми формами хозяйственных институтов. Однако он предостерегал от поспешности в этом деле: «Приспособиться к этим новым формам и составляет трудную, требующую большой и вдумчивой работы, задачу, осуществлять которую следует не в экстренном декретном, а законодательном порядке».

Предвидя острую борьбу фритредерского и протекционистского направлений внешнеторговой политики в демократической России, В. Штейн поддерживает намерение министра пересмотреть таможенные ставки в сторону их повышения: «...война подчеркнула огромное значение для России создания независимой и мощной промышленности, и в этом деле разумное таможенное покровительство должно сыграть не последнюю роль».

Весной 1917 г. уже приходилось думать о предстоящей после окончания войны реконверсии промышленности. Представители российского бизнеса были

озабочены тем, что резкое сокращение военных заказов может поставить промышленность в тяжелое положение. «Вопрос о поддержании промышленности казенным (если не военным, то «мирным») спросом надлежит всесторонне обсудить, — писал в связи с этим В. Штейн, — причем участие представителей промышленности в отделе министерства, который будет разрабатывать план "демобилизации" (промышленности. — Л.Ш.), крайне желательно».

Неспособность Временного правительства покончить с войной и решить наиболее острые, не терпящие отлагательства социальные проблемы, способствовала радикализации общественного сознания, росту влияния идей социализма. Существовавший в России экономический строй оказывается под угрозой. Вопрос о возможности немедленного осуществления социализма неожиданно выдвигается на первый план. В его обсуждении в 1917 г. принимали участие М.И. Туган-Барановский, М.В. Бернацкий, С.О. Загорский и др. Все они давали отрицательный ответ на этот вопрос, ссылаясь прежде всего на недостаточно высокий уровень зрелости и организации производительных сил.

«Трудно не согласиться с изложенными доводами, — комментировал выступления указанных экономистов В. Штейн. — Мы думаем, однако, что нужно пойти и дальше и пересмотреть раз навсегда самую конструкцию научного социализма. Сейчас, когда мы находимся в такой жуткой близости от социализма или, по крайней мере, социалистических экспериментов, когда на отдельных предприятиях захватным порядком пытаются водворить начала нового общественного строя, нужно отдать себе ясный отчет в том, грозит ли капиталистическому строю действительная опасность, — может ли он быть заменен другим порядком, или против него выдвигается призрак¹⁰, плод утопической фантазии, неспособный к длительному существованию».

Правильным В. Штейн считает второй вариант ответа на поставленный им вопрос. Не оспаривая факты растущего вмешательства государства в частнохозяйственные отношения, усиления начала планомерной рационализации хозяйственного строя в последние десятилетия, он обращает внимание на то обстоятельство, что вместе с тем происходило «несомненное развитие частной инициативы, усиление значения индивидуальности для народного хозяйства».¹¹ Позиция частного предпринимателя в народном хозяйстве оказывается прочной потому, что последний выполняет важные функции непрерывного наблюдения за рынком и его изменениями, учета постоянно меняющихся потребностей, предвидения конъюнктуры, наконец, организации производства. «...Вознаграждение лица, эти функции осуществляющего, должно быть поставлено в зависимость от плодов его деятельности, иначе устраняется стимул к активной работе». Поэтому «в хозяйственной среде должна быть своя аристократия, находящаяся в привилегированных условиях по сравнению с представителями физического труда. Идея народовластия, демократический принцип терпят здесь крушение».¹² Об этом свидетельствуют, например, несостоятельность в огромном большинстве случаев производительных товариществ рабочих и значительное понижение производительности труда на тех фабриках и заводах, где рабочие пытались применить выборное начало к техническому персоналу. «Применение демократического принципа оказывается мнимым и в акционерных обществах, где "всеобщность" голосования парализуется отсутствием равенства го-

лосов; и в результате в организации акционерных предприятий побеждает опирающееся на капитал начало знания и опыта... истинными предпринимателями в акционерных компаниях нужно признать небольшую группу организаторов и вдохновителей предприятия, привлекающих с широкого рынка денежный капитал в акционерной форме,¹³ но не дающих ему фактических прав участия в управлении предприятием».

Назначение предпринимателей государством также было бы убийственно для предпринимательства, ибо в этом случае предприниматель превращается в государственного чиновника и получает вместо прибыли фиксированное вознаграждение. В этом случае риск ведения предприятия перелagается на государство. «При существующем сейчас напоре на предпринимателей со стороны рабочих такое положение вещей многим предпринимателям показалось бы даже избавлением от грозящей им опасности разорения и гибели».¹⁴ Но государство в принципе не может заменить предпринимателя, ибо не может столь же успешно выполнять предпринимательские функции.

«Задача экономической политики государства заключается, по нашему разумению, в том, чтобы обеспечить народному хозяйству наибольшую производительность и наряду с этим добиться более или менее равномерного распределения благ между хозяйствующими субъектами». Наибольшая производительность в народном хозяйстве может быть обеспечена лишь при условии свободы частнопредпринимательской деятельности, и государство должно твердо гарантировать существование и неизыблемость этих условий. В то же время «государство может усиленным обложением имущих классов и широкой социальной политикой, направленной на благо неимущих, достигать той же цели, к которой слишком прямолинейно идет социализм: устранения неравномерности в распределении благ между хозяйствующими субъектами. Таким образом, может одновременно достигаться и максимальная народнохозяйственная производительность, и приблизительное равенство всех в созданных общественным трудом ценностях».¹⁵ Социализм, таким образом, представляется В. Штейну практически неосуществимым. «Разрушить существующий строй при отсутствии твердой власти нетрудно, — заключает он. — Но что могут предложить нам взамен него проповедники немедленного осуществления социализма?»¹⁶

Чтобы стабилизировать финансовое положение страны, Временное правительство 27 марта 1917 г. объявило подписку на Заем свободы. Однако он почти не дал наличных денег: за целый месяц подписка на Заем не превысила даже 1 млрд руб., т. е. не покрыла даже текущих расходов войны. Государству тем временем требовались все большие финансовые средства для продолжения войны. В результате 16 мая Временное правительство одобрило предложение министра прибегнуть к новому расширению эмиссионного права Государственного Банка с 8,5 до 10,5 млрд руб., что неизбежно должно было привести к дальнейшему обесценению денежных знаков и вздорожанию жизни.

Вопрос о причинах неуспешности Займа свободы и — более широко — о распределении бремени военных расходов между различными классами вызывал острые конфликты в обществе. Революционная демократия обвиняла в провале Займа свободы капиталистов. «Если бы промышленность сейчас не давала бешеных дивидендов, если бы военная прибыль не достигала сказочных

размеров, то промышленники помещали бы свои капиталы в бумаги Займа. Раз они этого не делают, значит, это им невыгодно, а выгодно помещать свои капиталы в другие предприятия. Это ясно и просто. А ведь размеры сбережений господ промышленников достигают колоссальных цифр. Достаточно посмотреть публикуемые отчеты банков, чтобы увидеть, какое большое количество свободных денег находится в руках капиталистов. Но им выгоднее спекулировать этими капиталами, заниматься биржевой горячкой, схватывать 110-процентные дивиденды, чем покупать 6-процентные билеты займа». Промышленники, от которых зависел успех займа и которые ничего не делают для такого успеха, объявлялись «скрытыми контрреволюционерами». «Если господа капиталисты не хотят добровольно и на выгодных условиях дать свои средства займа государству, то революционная демократия России вправе потребовать от них хотя бы части их капиталов».¹⁷

Под давлением усиливавшейся левой оппозиции оказавшееся в исключительно тяжелом финансовом положении Временное правительство начало обсуждение вопроса о возможности конфискации части частных капиталов.

В. Штейн занял в этом вопросе позицию откровенного защитника буржуазии. Он осуждает растущие нападки на имущие классы, прежде всего со стороны рабочего класса, и все более настойчивые требования повысить военно-прибыльный налог вплоть до конфискации всего излишка прибыли при достижении им известного предела, усилить прогрессию подоходного налога до максимума в 30%, ввести поимущественный налог и т. д. Все это, по его мнению, может лишь окончательно подорвать производство, так как и без того промышленники работают, почти не получая прибыли. Во всяком случае, они «уже успели даже до известной степени свыкнуться с мыслью, что в этом году им придется работать без прибыли».¹⁸ Особенно резко критикует он лозунг конфискации капиталов.

В то же время он обвиняет рабочий класс в непомерном росте потребления. «Тяжелое впечатление производит идущее со стороны рабочей печати натравливание фиска на имущие классы в то время, как сам рабочий класс не обнаруживает ни малейшей готовности нести жертвы в пользу государства. Упорно отстаивая беспредельное повышение своих заработков, рабочий не хочет видеть, что он этим самым опустошает один из обильнейших источников государственных доходов. Рабочий класс обороняется от несения налогов. Получая большие заработки, рабочий не обнаруживает готовности сберечь часть своих получений для помещения их в государственные займы. Повышенные заработки идут на расширение потребления и, предъясняя новый спрос на рынке, рабочий обостряет бестоварье и дороговизну».¹⁹ Кредитные билеты, по мнению В. Штейна, спрятаны в «разбогатевшей рабочей среде» и в деревне. Поэтому «призыв к подписке на заем должен направляться в настоящее время именно в толщу народную, к крестьянской и рабочей демократии... Русский рабочий класс идет к гибели, привыкая к высокому уровню жизни при низкой производительности труда. Запутавшаяся в долгах Россия меньше, чем любая страна, может допустить проедание широкими народными массами народнохозяйственного капитала. При высокой норме заработной платы рабочий должен уделять часть своих доходов казне. И если рабочий избегает добровольного ограничения потребления, которое дало бы ему возможность сбережения и участия в

займах, то государство должно вступить на путь принуждения рабочих к сбережению посредством налогов».²⁰

Позиция буржуазии, которая получила яркое отражение в рассматриваемой статье В. Штейна, как и позиция революционной демократии, грешили партийной пристрастностью и односторонностью. К тому же В. Штейн не пытался ее обосновать. Главное состояло не в том, в чью пользу следует изменить пропорции распределения национального дохода, а в том, что национальный доход все более сокращался, что имело следствием систематическое ухудшение положения всех классов общества, крайнее обострение классово-борьбы и неумолимое приближение революционного взрыва.

В середине мая 1917 г. редакция журнала «Промышленность и торговля» формулирует свою позицию по вопросу о характере международных экономических связей России в послевоенный период. В статье утверждалось, что лозунг социал-демократов («заключение всеобщего мира без аннексий и контрибуций»), если оставить в стороне его политический аспект и говорить только об экономическом его содержании, совершенно недостаточен для разрешения тех сложных вопросов мирового хозяйства, которые послужили одной из важнейших причин мировой войны и которые будут играть важную роль при заключении мира. В ней доказывалось, что Россия представляет для Германии настолько важный рынок сбыта и источник продовольствия, что заключение выгодного торгового договора между этими странами было бы для нее не менее выгодно, чем аннексии и контрибуции. Однако «наплыв германских товаров, не сдерживаемый достаточно высокой таможенной стеной, неизбежно должен был бы привести к подлинному банкротству России»,²¹ поскольку за годы войны российская промышленность резко ослабела, ее продукция не может конкурировать с иностранными товарами, форсирование же сельскохозяйственного экспорта в силу ряда причин также почти невозможно. Поэтому при заключении мирного договора важно добиться обеспечения «возможности автономного, независимого от вражеского давления, решения торгово-политических вопросов».²² Интересы России, с точки зрения редакции журнала, требуют распыления нашего импорта, устранения односторонней зависимости от Германии, расширения импорта капиталов и товаров из стран Антанты и США.

Меньшевистская газета «Новая жизнь» подвергла критике эту позицию. В редакционной статье «Совет съездов о целях войны», с одной стороны, осуждается «"сепаратный" реверанс в сторону Германии», выразившийся в критике идеи ее экономического бойкота, оформившейся на Парижской экономической конференции, а с другой — утверждается, что укрепление за годы войны финансовых связей России с союзными державами, на которые указывала редакция журнала, означает, что «мы окончательно попали в лапы плутократии американско-английско-французской, в которых бьемся уже и теперь беспомощно и будем биться после войны еще беспомощнее. Выйти из этого положения можно только путем усиленного развития национального производства, но именно об этом как раз орган Совета съездов молчит». Из анализа указанной позиции журнала «Промышленность и торговля» новожизненцы сделали вывод о «неспособности русской империалистической буржуазии вывести страну из состояния экономической зависимости».²³

В июне 1917 г. В. Штейн выступает против «новожизненной маниловщины», проявившейся в отрыве задачи укрепления национального производства от рационализации внешнеэкономических связей. Он напоминает о бессмысленности в условиях развитого международного разделения труда пытаться прекратить или хотя бы сократить российский экспорт. Если же исходить из неизбежности и целесообразности активного вовлечения послевоенной России в систему международных экономических отношений, то для обеспечения ее экономической независимости необходимо прежде всего преодолеть ее одностороннюю экономическую зависимость от Германии, характерную для довоенного времени. А этого невозможно добиться без дальнейшего укрепления союзнических связей с Англией и Францией. «Если бы и после войны мы сумели остаться нужными союзниками, мы не дали бы затянуть на своей шее финансовую петлю, каковую, несомненно, являются наши краткосрочные обязательства, учитываемые и переучитываемые на английском рынке. Наши союзники сберегли бы нас и от экономического рабства, которым грозит нам Германия, если нам придется рассчитывать с нею один на один... Таким образом, именно опираясь на союзников и на финансово-экономические соглашения с ними, мы могли бы создать для себя возможность автономного решения торгово-политических вопросов. Русский рынок является большой приманкой как для наших врагов, так и для союзников, и при тонкой дипломатической игре мы сумели бы распределить этот рынок между претендентами на него с наибольшими для себя выгодами».²⁴

В то же время, реалистично оценивая последствия резкого ослабления позиций России в системе мирохозяйственных связей, В. Штейн писал: «Теперь, когда мы превращаемся из субъекта в объект международных соглашений, этот дележ будет произведен без нашего участия. Роковое бессилие, сковавшее еще недавно могущественную Российскую Державу,²⁵ лишает нас возможности вести и активную торговую политику». Ситуация была настолько острая, что В. Штейн вслед за П.П. Мигулиным не исключал вынужденного отказа России от платежа военных долгов союзникам, хотя и понимал, что в этом случае она сможет получить иностранные кредиты лишь при условии установления иностранного контроля над ее государственными финансами.

К началу июля 1917 г. социальное напряжение в России достигло чрезвычайной остроты. Временное правительство, за несколько месяцев своего существования не сумевшее решить наиболее острые политические, экономические и социальные проблемы, быстро теряло поддержку основной массы населения. Лихорадочно маневрируя, оно, с одной стороны, призывало рабочих отказаться от непомерных требований в отношении роста заработной платы и от захвата промышленных предприятий, а с другой — в июне существенно повысило налоговое обложение предпринимателей и даже стало прибегать к секвестру предприятий, собственники которых закрывали их, ссылаясь на то, что издержали все свои оборотные средства и должны были расплачиваться с рабочими отпущенными им в кредит капиталами.

В. Штейн оценивает такую политику как весьма опасную, так как логическим результатом ее продолжения, с его точки зрения, мог бы быть лишь массовый переход промышленных предприятий в руки государства, которое, однако, не сможет достаточно эффективно управлять ими, так как совершенно не подготовлено

к выполнению этой функции. Он призывает правительство коренным образом изменить свою тактику, прекратить идти на поводу у рабочих, делая им уступку за уступкой и ограничиваясь увещаниями в случае нарушения ими законности: «...нужно прибегнуть к урегулированию промышленности не на словах, а на деле, нужно восстановить порядок на фабриках и заводах. Для этого недостаточно красноречивых деклараций. Нужны властные действия». ²⁶ Он не учитывал, однако, что в условиях двоевластия правительство, стремительно терявшее политическую опору, уже не могло проводить жесткую антирабочую политику.

В конце июля после долгих колебаний Временное правительство назначило министром торговли и промышленности представителя умеренно левых политических кругов С.Н. Прокоповича. Это назначение было вынужденным и не могло не вызывать опасения со стороны русской буржуазии. Еще до опубликования новым министром его программы В. Штейн подвергает критическому рассмотрению две его опубликованные работы, ²⁷ с тем чтобы охарактеризовать, хотя бы в общих чертах, его идеологию. Он отмечает, что важнейшими предпосылками экономического развития России являются уменьшение налогов и ограничение таможенного покровительства, и обвиняет его в том, что тот разделяет предрассудки «социалистически настроенной группы нашей интеллигенции», ставя во главу угла потребительский интерес и объясняя таможенную охрану происками корыстолюбивого капиталистического класса. «Г. Прокопович ни на йоту не отступает от тех мнений, которые в его кругу диктуются "хорошим вкусом". Тут и "тепличное" происхождение промышленности, и разоряемое ради выгоды промышленника крестьянство, и свободная игра хозяйственных сил, в которой видят панацею против всех зол в международных торговых отношениях и которой так боятся в пределах национального хозяйства». ²⁸ В. Штейн считает проявлением непоследовательности со стороны С.Н. Прокоповича то обстоятельство, что со слабым развитием капитализма он связывает небольшое распространение социалистических идей в России, но не дороговизну. Он утверждает, что война доказала ошибочность вывода С.Н. Прокоповича о том, что рост заработной платы всегда отстает от роста цен. «Нужно, однако, — продолжает В. Штейн, — отдать должное г. Прокоповичу: как ни ненавистна ему капиталистическая система промышленности, он все-таки отдает ей предпочтение перед популярной у нас системой государственной монополии...» ²⁹

В целом все же В. Штейн выражает сомнение в том, что С.Н. Прокопович сможет проявить «большой стратегический талант», необходимый для того, «чтобы вывести нашу промышленность из революционного тупика без потери... ее жизнеспособности», ибо для этого «нужно отказаться от многих прежних предубеждений, навеянных социалистической догмой». ³⁰

Таким образом, работы В. Штейна дореволюционного периода свидетельствуют о том, что уже в то время это был высокопрофессиональный ученый-экономист, который смог дать глубокий анализ как актуальных для того времени проблем экономической политики (прежде всего проблем денежного обращения и финансов), так и общих тенденций экономического развития страны с позиций буржуазии. Он был убежденным сторонником рыночных реформ и противником социализма. Остро ощущая опасность революционного переворота, он в то же время не смог противопоставить ей всесторонне продуманный,

учитывающий социальные аспекты и вместе с тем решительный и последовательный курс экономической политики, который мог бы эту опасность отвести. В центре его внимания были интересы экономического развития России, которые он отождествлял с интересами русской буржуазии. Политическая пристрастность не позволила ему подняться над интересами своего класса, проявить тот «стратегический талант», в отсутствии которого он упрекал С.Н. Прокоповича. Впрочем, те теоретики и политические деятели, которые смогли это сделать (например, Г.В. Плеханов), несмотря на весь их авторитет, в до предела накаленной обстановке 1917 г. оказались невостребованными: противоборствующие социальные и политические силы страны уже не желали слушать не только друг друга, но и идеологов, выступавших с надклассовых, беспартийных позиций. Патовость политической ситуации в стране могла быть разрешена, и действительно была разрешена, наиболее радикальным, революционным путем.

¹ Приветственные телеграммы. Товарищ Председателя Совета Н. Изнар Председателю Государственной Думы // *Промышленность и торговля*. 1917. № 8-9. С. 183.

² Ближайшие задачи // Там же. С. 187.

³ *Штейн В.* Экономическое наследие старого режима // *Промышленность и торговля*. 1917. № 8-9. С. 190.

⁴ Там же.

⁵ «Если демократическая Россия, как можно надеяться, решительно вступит на путь пацифизма и в государственном бюджете военные расходы постепенно будут поглощены расходами на культурные цели, то ликвидация государственного долга будет значительно ускорена» (*Штейн В.* Экономическое наследие старого режима. С. 191–192).

⁶ *П.П.Н.* Программа Министра торговли и промышленности // *Промышленность и торговля*. 1917. № 12-13. С. 246.

⁷ Там же. С. 247.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 248.

¹⁰ *Штейн В.* Возможно ли осуществление социализма? // *Промышленность и торговля*. 1917. № 16-17. С. 312–313.

¹¹ Там же. С. 313.

¹² Там же. С. 314.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 314–315.

¹⁵ Там же. С. 315.

¹⁶ Там же. С. 316.

¹⁷ Заем свободы и капиталисты // *Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов*. 1917. 19 мая.

¹⁸ *Штейн В.* Несправедливые обвинения // *Промышленность и торговля*. 1917. № 18-19. С. 352.

¹⁹ Там же. С. 353.

²⁰ Там же. С. 353–354.

²¹ Цели войны и мирные лозунги // *Промышленность и торговля*. 1917. № 16-17. С. 299.

²² Там же.

²³ Совет съездов о целях войны // *Новая жизнь*. 1917. 31 мая. С. 1.

²⁴ *П.П.Н.* Торгово-политические перспективы // *Промышленность и торговля*. 1917. № 20-21. С. 376, 378.

²⁵ Там же. С. 378.

²⁶ *Штейн В.* Граждане первого и второго сорта // *Промышленность и торговля*. 1917. № 24-25. С. 14.

²⁷ *Prokopowitsch S.* Ueber die Bedingungen der industriellen Entwicklung Russlands. Tubingen, 1913; *Прокопович С.Н.* Война и народное хозяйство. М., 1913.

²⁸ *П.П.Н.* Вместо программы // *Промышленность и торговля*. 1917. № 28-29. С. 72.

²⁹ Там же. С. 73.

³⁰ Там же. С. 74.

Статья поступила в редакцию 8 июня 2005 г.